

Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 25, Экзистенциализм

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 25 по экзистенциализму.

Хорошо, это лекция номер 13. Итак, то, что мы сейчас рассматриваем, — это теологические разработки от Дитриха Бонхёффера до наших дней. На самом деле это не от Дитриха Бонхёффера до наших дней. Это просто броское название. Так что это все, для чего я это взял.

Итак, теологические разработки, мы просто попытаемся войти в мир, в котором мы живем. Итак, это займет у меня пару дней, сегодня и в пятницу, и мне, возможно, понадобится один из них. У нас остался один учебный день. Помните, когда мы вернемся, мы будем смотреть видеозапись двух дней Дитриха Бонхёффера.

А потом у нас пятница и среда, и мы будем готовиться к экзамену. Так что все будет хорошо. Мы там, где и должны быть.

Итак, вот теологические разработки от Дитриха Бонхёффера до наших дней. И начнем мы с экзистенциализма. Хорошо.

И вы видите, что мы собираемся сделать представителей, основные черты, сильные стороны и критику экзистенциализма. Вот где мы находимся. Я на странице 15 программы.

Хорошо, начнем с экзистенциализма. Что ж, как ни интересно, экзистенциализм начинается с жизни и служения христианина, верующего. И его зовут Серен Кьеркегор.

Теперь, вы, несомненно, слышали Кьеркегора из других курсов, верно? У вас был Кьеркегор из других курсов. Так что вы говорили о нем в других курсах. Итак, Серен Кьеркегор.

Очень, очень интересно. Обратите внимание на даты Кьеркегора. Ну, если можно, то сейчас.

Вот так. Я как раз этим летом в Дании, у друзей в гостях. И мы добрались до Дании.

И, конечно же, мы достигли 200-летия со дня рождения Сёрена Кьеркегора. И поскольку он был так тесно связан с Копенгагеном и был такой большой частью той жизни и всего, вот эта книга, маленькая книга, которую я взял на одной из выставок. По всему Копенгагену есть много выставок Кьеркегора.

Но эта маленькая книга, «Кьеркегор в Золотом веке Копенгагена», имеет краткое и иллюстрированное введение. И очень, очень интересно быть в Копенгагене во время этого 200-летия Кьеркегора. Но здесь был Кьеркегор.

Мы бы назвали Кьеркегора христианским экзистенциалистом. Христианский экзистенциалист. Так что есть смысл, в котором экзистенциализм начался с Кьеркегора.

Потому что, как христианский экзистенциалист, экзистенциализм происходит от слова, знаете ли, существование и так далее. Как христианский экзистенциалист, Кьеркегор знал, что существуют пределы человеческого разума. И помните, он имеет дело. Вот он в середине 19-го века, когда он живет.

И поэтому существуют пределы человеческого разума. Сердце, эмоции, личность и вся личность должны вступить в борьбу с человеческими дилеммами и проблемами. И поэтому христианин, являющийся экзистенциалистом, является одним из тех, кто делает это.

Осознание границ человеческого разума, осознание человеческих проблем, человеческих факторов в нашей жизни и так далее. Если вы что-то читали о Кьеркегоре, это, возможно, был страх и трепет. Так что эти два слова в названии книги, страх и трепет, дают вам некоторое представление о том, с чем Кьеркегор пытался справиться в своей личной жизни.

Мы только на 15 странице, Рут, и мы просто делаем теологические разработки, знаете ли, до настоящего времени. И мы начинаем с Серена Кьеркегора. Так что Кьеркегор, как представитель, я сказал, что здесь будут представители.

И как представитель, я начал с него, потому что он был движущей силой и сотрясателем, который запустил это дело. Теперь, на минутку, чтобы проследить это исторически, Кьеркегор был христианским экзистенциалистом, но экзистенциализм, пришедший в 20-й век, оторвался от своих христианских корней. Так что экзистенциализм, пришедший в 20-й век, не обязательно был христианским, в то время как сам Кьеркегор был.

Итак, мы хотим просто принять это к сведению. Хорошо, это один человек в плане личностей, на которых мы хотим обратить внимание. В плане представителей, я полагаю, мы называем их теми, на кого хотим обратить внимание.

Хорошо, второй человек — исследователь Нового Завета по имени Рудольф Бультман. А вы случайно не встречали Бультмана на других курсах? Вы говорили о Бультмане? Но для Рудольфа Бультмана то, что он сделал как исследователь Нового Завета, было подходом к Новому Завету с точки зрения экзистенциальной герменевтики. Итак, он собирается интерпретировать Новый Завет как бы экзистенциально.

Он стал очень известным и очень влиятельным исследователем Нового Завета. Но вот пример для Бультмана. Для Бультмана определение греха для него было неподлинным существованием.

Итак, для Бультмана грех — это неподлинное существование. Вы не живете тем существованием, которое Бог предназначил вам. И это своего рода новый поворот греха.

Это своего рода новое понимание греха. Оно использует своего рода экзистенциальные категории для определения греха и неподлинного существования. Так что для него спасение — это искупленное существование.

Итак, спасение — это искупление вашего существования Богом, превращение его в то, чем оно всегда было задумано, уход от неподлинности и обретение искупленного полного существования. Итак, что вы знаете о Бультмане? Если вы слышите слово Бультман, есть ли какое-либо слово, которое вы ассоциируете с Рудольфом Бультманом? Ну, это слово может быть демифологизация, изъятие мифа из Нового Завета. Так, например, для Бультмана воскресение — это миф.

Это важный миф, но это миф. Итак, для Бультмана воскресение было связано не с телом, восставшим из могилы, а с пасхальной верой, пришедшей в жизнь учеников Иисуса. Так что, опять же, это своего рода экзистенциалистский взгляд на Писание, взгляд на Новый Завет.

Итак, речь идет не о том, что Иисус воскрес из мертвых. Речь идет о том, чтобы мы получили пасхальную веру в своей жизни и, следовательно, жили той искупленной жизнью, которой мы должны жить. Итак, Рудольф Бультманн, он собирается взять категории людей, таких как Кьеркегор, и применить их к Новому Завету.

Итак, он будет вторым человеком, которого мы хотели бы упомянуть. И третий человек, которого мы хотели бы упомянуть, это Пауль Тиллих. То, что сделал Пауль Тиллих, это взял экзистенциалистские категории и применил их к теологии.

Итак, в то время как Бультман применял их к изучению Нового Завета, Тиллих применял их к теологии. Тиллих действительно верил, что если теология будет тем, что он называл спасительной теологией, она должна говорить о положении людей в современном мире. Вы можете увидеть, когда жил Тиллих.

Итак, она должна говорить о дилеммах людей в современном мире. Она должна говорить о проблемах современного мира, если теология вообще собирается быть спасительной теологией. Итак, великие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в жизни, сказал Тиллих, это проблемы бессмысленности, отчаяния или тревоги.

Все это проблемы, которые ставят под вопрос само наше бытие и само наше существование. И поэтому единственный способ, которым вы можете как-то справиться с этой бессмысленностью, отчаянием, тревогой, очень экзистенциалистскими категориями, единственный способ, которым вы можете справиться с этим, — это понять, кто есть Бог. И, следовательно, вы поймете, кто вы есть.

Так что я не знаю, изучали ли вы Тиллиха на каком-либо курсе философии, но у него есть определение, которое интересно для понимания того, кто такой Бог и что Бог есть основа нашего бытия. Бог есть основа нашего бытия. Потому что то, что угрожает нам в жизни, для Тиллиха — это небытие.

Вот что действительно нам угрожает. Но приходит Бог, и он является основой нашего бытия. Итак, он дает нам, Бог дает нам подлинное существование тогда.

Бог придает подлинность нашему существованию. Так что Тиллих — интересная личность. По мере того, как Тиллих продвигался по своей жизни, он не был предан только христианству.

Он был христианским теологом. Я действительно слышал Тиллиха, когда учился в Университете Темпл. Он приезжал в Университет Темпл, чтобы выступить, и поэтому я услышал великого Пауля Тиллиха.

Очень интересно его слушать. Но Тиллих, и вы могли это сказать даже тогда, когда я его слушал, Тиллих совершил переход в плане того, что все религии почти в равной степени достойны Тиллиха. Он не смог увидеть в своей жизни уникальность христианства, уникальность того, кем был Иисус в Боге, и так далее.

И поэтому он был человеком, для которого все религии, казалось, отвечали на одни и те же вопросы. У всех нас одни и те же вопросы. У всего человечества одни и те же вопросы, и все религии могут ответить на них по-своему.

Итак, это Пауль Тиллих. Но он собирается интерпретировать теологию экзистенциально. Он собирается использовать экзистенциалистские категории для интерпретации теологии.

Итак, три первых игрока, которых я бы здесь упомянул, это Кьеркегор, затем Бультман в Новом Завете, а затем Тиллих в теологии. Так что это просто дает вам своего рода представление там. Позвольте мне перейти ко второму пункту, некоторым основным чертам экзистенциализма и движения экзистенциализма.

Затем мы дадим некоторые сильные стороны и некоторые критические замечания. Хорошо, одна черта экзистенциализма, как вы можете понять по остротам и вопросам в экзистенциализме, но одна черта — это центральное положение человека. Это очень антропоцентрическое движение в каком-то смысле.

Это не было так с Кьеркегором изначально, но это, безусловно, стало так. И это касается чего? Это не касается природы Бога обязательно или того, что в нее входит, но это касается моей бессмысленности и моего отчаяния и моей тревоги и так далее. Так что, центральное положение человека очень субъективно и антропоцентрично.

Во-вторых, вторая черта экзистенциализма — это то, что я называю неясностью Бога. Теперь, таким образом, если вы собираетесь называть Бога основой своего бытия, звучит ли это как Бог Ветхого Завета или Бога Нового Завета? Для меня это не так. Это не язык Ветхого Завета или Нового Завета.

Это своего рода философский язык. Так что неудивительно, что у экзистенциалистов был неясный Бог, Бог, которого они не могли понять, Бог, которого они не могли уложить в голове, потому что именно так они думали о Боге как об основе нашего бытия. Что мне нравится делать, когда я говорю об их понимании Бога, так это сравнивать и противопоставлять его либерализму и неоортодоксальности.

Либерализм, Бог стал неизбежным. В протестантском либерализме Бог сошел как бы среди нас. Вы могли видеть Бога в процессах общества, например, и культуры и тому подобного.

Но для либерализма Бог сошел к нам. Для неоортодоксии Бог выше нас. Они подчеркивают трансцендентность Бога, не имманентность Бога, а трансцендентность Бога.

И этот трансцендентный Бог несет суд миру. Так что это своего рода интересный контраст. Экзистенциализм имеет неясного Бога.

Либерализм подчеркивает неизбежность Бога. А неоортодоксальность подчеркивает трансцендентность Бога, инаковость Бога. Таким образом, вы получаете различные виды аспектов Бога.

Я бы сказал, что с библейской точки зрения, наиболее библейский аспект Бога — это, конечно, ортодоксальное понимание того, что Бог трансцендентен, как совершенно иной. Мы понимаем, что трансцендентность, однако, заключается в том, что слово становится плотью в лице Иисуса Христа. Но я бы сказал, что у экзистенциалистов действительно есть этот неясный Бог.

Хорошо, номер три, третья характеристика или черта экзистенциализма, это то, что я бы назвал неизбежностью тревоги. Что касается того, как мы живем в этом мире, мы неизбежно живем в состоянии тревоги. И если у вас есть Бог, который неясен, которого вы не можете знать, которого вы не можете постичь, которого вы не можете понять, возможно, это приведет к вашей тревоге.

И это, конечно, так и было. В конце концов, экзистенциалисты просто избавились от проблемы Бога вообще, в принципе, и просто жили с этим видом тревоги в современном мире. Хорошо, и четвертая черта экзистенциализма — это то, что является целью экзистенциализма.

И цель экзистенциализма — подлинное существование. Это то, к чему мы стремимся. Это то, чего мы хотим.

Но здесь есть своего рода ирония, потому что библейский экзистенциалист вроде Кьеркегора сказал бы, что подлинное существование может прийти только в вашем понимании Бога и Христа и так далее. Но когда вы приходите к экзистенциализму, который отпустил Бога, это как будто вы ходите по кругу. Как вы собираетесь найти это подлинное существование? Ну, вы не найдете.

Я имею в виду, что это проблема, не так ли? Так что это возвращает вас к тревоге и отчаянию и так далее. Теперь, я просто думаю, что в сегодняшнем мире, в сегодняшней университетской жизни, мы много говорим о постмодернизме, и это своего рода текущая вещь, и это своего рода последнее слово и все такое. Когда я учился в университете, тем не менее, экзистенциализм очень много обсуждался и говорился, и так далее.

И мы читали таких людей, как Кафка, Франц Кафка. И я не знаю, читал ли кто-нибудь из вас Франца Кафку. Это очень интересное чтение.

Вы немного расстроитесь, когда прочтете это, потому что это экзистенциалистская литература. Или вы читали Сартра? Если вы читали Сартра или видели некоторые из его пьес. Так вот, в мои университетские годы мы читали этих людей.

Я имею в виду, что это было своего рода частью общего ядра, читать этих экзистенциалистов. Так что я как бы вырос с этим в каком-то смысле. Тем не менее, как христианин, я чувствовал, что могу что-то сказать обо всем этом.

Но это некоторые основные черты экзистенциализма. Итак, первая черта — это центрированность человека. Она крайне антропоцентрична.

Это обо мне, моем отчаянии, моей тревоге, моей бессмысленной жизни. Это все обо мне. Так что в экзистенциализме был такой антропоцентрический привкус.

Не с Киркегором, а с людьми, которые следовали за Киркегором. У экзистенциализма есть некоторые сильные стороны. И я хотел бы упомянуть несколько из них.

Я сам учился на экзистенциализме. Я люблю читать Кьеркегора. Но я читаю таких людей, как Кафка, Сартр и другие.

Из этого можно извлечь урок. Позвольте мне упомянуть то, чему можно научиться. Но давайте также выскажем несколько основных критических замечаний.

Хорошо. Одно, что можно узнать, это то, что истина и внешне переживается, и объективна, но экзистенциалисты напоминают нам, что истина также переживается внутренне. Ваш собственный опыт, ваше собственное сердце, ваш собственный внутренний вид чувства также могут помочь вам понять истину.

Истины познаются, когда смотришь внутрь себя. Экзистенциализм научил нас этому. Я думаю, это урок экзистенциализма.

Что я хочу сделать, так это когда, знаете ли, в преподавании теологии мы хотим видеть истину как внешнюю, то есть объективную, так и внутреннюю и субъективную. Мы не хотим ни того, ни другого, но мы хотим их обоих. Сила экзистенциализма в том, что он подчеркивает, что истина — это внутренний опыт.

Хорошо. Вторая сильная сторона, которую я, кажется, записал, — это признание того, что люди уникальны, что люди своего рода единственные в своем роде, и их нельзя подвести под какой-то объективный уровень. Вы не можете подвести людей под какой-то объективный уровень, где вы можете их объективно анализировать, как будто у них нет этой уникальности.

Вы, вероятно, знакомы с другими курсами Мартина Бубера, и Мартин Бубер говорил о различии в отношениях между отношениями Я-оно. Если у вас отношения Я-оно с Богом или с людьми, вы объективируете этих людей. И вместо отношений Я-оно с Богом или с людьми, отношения должны быть отношениями Я-что, Я-ты.

Ваши отношения с Богом и с вашими братьями должны быть отношениями «я-ты». А в отношениях «я-ты» это показывает, что вы не объективировали этих людей, но вы воспринимаете их лично, вы воспринимаете их серьезно и так далее. Итак, появляется Мартин Бубер, и он, конечно, жил в это время, но Мартин Бубер появляется и как бы напоминает нам, что мы не должны объективировать людей, в этом нет никаких сомнений.

Третье, что я считаю полезным из экзистенциализма, это то, что мы можем научиться быть честными. Многим людям в нашем мире трудно верить в Бога, трудно верить в Бога, и даже невозможно верить в Бога. В этом нет никаких сомнений.

И когда они смотрят на церковь, они видят людей в церкви, которые поклоняются, кавычки-открытые кавычки, но они поклоняются только по привычке. Они не могут многому научить нас о Боге. Так что, я думаю, это то, что я усвоил из экзистенциализма, что вера в Бога для многих людей сложна.

Это тяжело. Это нелегко. И я думаю, что можно сказать, что это, наверное, своего рода сила.

Четвертое, чему мы можем научиться у экзистенциализма, — это готовность столкнуться с проблемами жизни. Вперед, Надежда. Признание того, что людям трудно верить в Бога.

Да, это был экзистенциализм. Одной из вещей, которой он нас научил, является то, что многим людям очень, очень трудно верить в Бога. И даже когда они смотрят на людей в церкви, если они посторонние и смотрят на людей в церкви, они смотрят на людей в церкви и говорят, что люди поклоняются только по привычке.

У них нет глубоко укоренившейся веры или убеждения в Бога или понимания Бога. Они делают это по привычке, и я не хочу быть частью этого. Поэтому людям действительно трудно верить в Бога, и мы не должны этому удивляться.

Как христиане, мы должны смотреть в лицо этой реальности. Помогает ли это? И потом, еще одна вещь — это настоящая готовность смотреть в лицо смерти. В экзистенциализме смерть — это реальность.

Это то, с чем нам всем придется иметь дело. Если Христос не вернется снова, мы все умрем. Никто из нас не выберется отсюда живым.

Не хочу тебя расстраивать, Ханна, — ой, как раз перед Днем благодарения, Рождеством и всем остальным. Но если Христос не вернется, никто из нас не выберется отсюда живым.

Может быть, мы не хотим думать об этом. Экзистенциалисты много думали об этом. Это было как бы одной из вещей, которая двигала их бессмысленностью, отчаянием, тревогой и так далее.

Теперь, как христиане, мы отвечаем на это через доктрину воскресения, конечно, и воскресение Христа и наше воскресение. Но тем не менее, они готовы встретить смерть. Это то, с чем люди должны иметь дело.

И, наконец, то, что я вижу как силу экзистенциализма, это признание того, что множество людей живут поверхностной, пустой и бессмысленной жизнью. Это просто признание человеческой реальности жизни. Экзистенциализм как бы напоминает нам, что множество людей живут не очень подлинной жизнью.

И экзистенциализм является напоминанием об этом. Итак, были некоторые сильные стороны экзистенциализма, но есть и некоторые критические замечания, номер четыре. Итак, я хочу упомянуть критику движения.

Я думаю, что первое, о чем мы уже упомянули, это то, что в конечном итоге экзистенциализм, который вырос после Кьеркегора, был гуманизмом, был формой гуманизма. Это связано с антропоцентрическим взглядом на экзистенциализм. Но нам нужна теология с Богом в центре, Богом во Христе в центре, которому служит Святой Дух.

Нам не нужна теология с нами в центре. Мы не центр истории. Бог — центр истории.

И я думаю, что экзистенциализм забыл об этом. Так что это критика, которую я бы выдвинул в адрес экзистенциализма. Во-вторых, экзистенциализм часто не понимает истинную природу людей.

Потому что экзистенциализм смотрит на людей с разных точек зрения. Он смотрит на людей, и вы попадаете во все эти проблемы бессмысленности, отчаяния, тревоги и всего такого. Он смотрит на людей с нашей точки зрения.

Скорее, вопрос не в том, кто мы с нашей собственной точки зрения, а в том, кто мы с точки зрения Бога. Кто мы с точки зрения нашего создателя? И я думаю,

что экзистенциализм забыл об этом. Так что вы не начинаете с нас; вы начинаете с Бога, а затем вы понимаете себя и так далее.

Но это вторая вещь, которую я считаю проблематичной. Третья проблема в том, что экзистенциализм не говорит о грехе. Он не хочет иметь ничего общего с первородным грехом, который, я думаю, является библейской доктриной.

Он не хочет иметь ничего общего с реальным грехом людей, восстанием против Бога и т. д. И поэтому, следовательно, экзистенциализм, они не могли понять учение Барта о торжестве благодати. Потому что если у вас нет сильного учения о грехе, у вас не будет сильного учения о благодати.

Только поняв саму природу греха, вы сможете понять природу Божьей благодати. Так что это становится проблематичным для экзистенциализма. И затем, наконец, их взгляд на Библию.

Мы бы начали с Бультмана и сказали, что не считаем, что Библию нужно демифологизировать. Поэтому мы бы начали с его герменевтики. Но затем мы бы сказали, что многие экзистенциалисты просто игнорируют Библию.

Библия, как они чувствуют, не может им ничем помочь. Поэтому вместо того, чтобы видеть Библию в центре жизни, они видят Библию на обочине жизни. И по иронии судьбы, это приводит их к еще большему отчаянию, потому что они пытаются ответить на вопросы жизни из себя, из своего собственного мира и так далее.

Итак, я думаю, что их взгляд на Библию проблематичен. Хорошо, экзистенциализм и некоторые из присутствующих здесь людей помогли нам это понять. Кьеркегор особенно важен.

Если вы собираетесь читать что-либо из этих людей, я бы начал с Кьеркегора, потому что он занимается этим, но занимается этим в христианском контексте. Хорошо, есть ли здесь экзистенциалисты? Хотите поговорить об экзистенциализме? Вы читаете Кафку и Сартра и все такое хорошее? Или, я должен сказать, все это интересное. Хорошо, номер два — экуменизм.

Экуменизм. Во-первых, то, что мы собираемся делать с экуменизмом, касается единства церкви. Хорошо, экуменическое движение или экуменизм.

Сначала я собираюсь рассмотреть причины, по которым протестантизм разделился, а затем растущее признание протестантизма и то, как протестантизм институционализировался в терминах этого экуменизма. Те из вас, кто слышал одну из статей, сейчас я точно не помню, какая именно, но в любом случае, одна из статей была посвящена экуменизму во времена

протестантов. Это была последняя статья, да, последняя статья, посвященная всему экуменическому движению.

Он был очень; докладчик был очень вовлечен в экуменизм, экуменическое движение и так далее. Хорошо, во-первых, с экуменизмом, а экуменизм в первую очередь связан с протестантизмом. Затем он доберется до католицизма и православия, но экуменическое движение началось с разделенного протестанта, пытающегося понять себя.

Хорошо, каковы причины разделенного протестантизма? У меня есть четыре причины, по которым протестантизм оказался разделенным в начале 20-го века. Хорошо, номер один — теологический. Теологически, был разделенный протестантизм из-за теологического, теологического разделения, разделения теологических разделений.

Некоторые протестанты верили в это; некоторые протестанты верили в то и так далее. Мы обнаружили, что мы обнаружили, что начиная с середины 20-го века эти теологические вещи, о которых мы говорим, разделяют нас, и это становится проблематичным. И некоторые теологические разделения, мы бы сказали, были более незначительными, чем другие теологические разделения.

Итак, первая причина разделения протестантизма была теологической, и в этом нет никаких сомнений. Номер два — социальный. Вторая причина разделения протестантизма была тем, что мы называем социальным разделением, которое могло быть чем угодно, от национализма, от своего рода национальной церкви до национальных протестантских церквей с одной стороны, как англиканская церковь в Англии, или могли быть социальные разделения по определенным этическим вопросам.

Итак, протестантизм был серьезно разделен в этой стране в середине 19 века по вопросу рабства. Так что могло быть много социальных вопросов, было много социальных вопросов, которые разделяли протестантизм. Вопрос рабства является прекрасным примером в нашей стране, потому что некоторые протестанты были за рабство, а некоторые протестанты были против рабства.

Итак, это вызвало большое разделение. Хорошо, номер три, третья причина разделения — экономическая. Есть богатые протестанты и есть бедные протестанты.

И это разделение между богатыми и бедными, конечно, протестанты начали говорить себе, подождите-ка, это разделяет нас. Мы должны были бы как-то объединиться, но мы не можем. И почему мы не можем? Ну, отчасти это было экономическим.

Хорошо, и, наконец, частью причины разделенного протестантизма был индивидуализм — акцент на мне, который приходит в 20-й век. Знаете, хватит обо мне, давайте поговорим обо мне.

С этим индивидуализмом и приватизацией, и это было не только у протестантов, очевидно, но приватизация в западном мире вызвала раскол в протестантизме. И протестантизм оказался сильно разделенным и решил, что нам нужно что-то с этим сделать. Что мы можем с этим сделать? Как мы можем объединиться? Хорошо, давайте теперь выясним, как протестанты пытались объединиться в этом движении, которое называется Экуменическое движение.

Как они пытались это сделать? Как они пытались объединиться? Да благословит вас Бог. Да благословит вас Бог. Итак, хорошо, первое, что начали говорить протестанты, и я собирался достать свою Библию, но не сделал этого, но, пожалуйста, запишите это, Послание к Ефесянам 4, 4-6. Послание к Ефесянам 4, 4-6. Первое, что начали говорить протестанты, когда начали собираться вместе, они начали говорить, подождите минутку, Послание к Ефесянам 4, 4-6 призывает к единству.

То, что происходит со многими протестантами в многообразии в начале 20-го века, заключается в том, что должно быть единство, сосредоточенное на Иисусе Христе. Какие бы у нас ни были разломы, какие бы у нас ни были проблемы, какие бы у нас ни были разделения, нам нужно переосмыслить их в свете Послания к Ефесянам 4, 4-6 и единства, сосредоточенного на Иисусе Христе. Поэтому я рад сказать, что экуменическое движение началось как теологическое движение среди протестантов.

Это началось с того, что протестанты начали думать теологически. Это не было отрицанием разнообразия. Это не было отрицанием того, что, возможно, даже деноминации нормально иметь внутри протестантов.

Но это говорило о том, что должно быть некое единство, которое строится на чем-то большем, чем мы сами, и они нашли это единство в Послании к Ефесянам 4:4-6. Я не говорю, что экуменическое движение смогло сохранить это теологическое видение, но я говорю, что в начале движения именно теология объединила протестантов. Так что вот как все это началось. Хорошо, тогда еще одна вещь, которую мы должны принять во внимание в плане этого растущего признания единства, необходимости единства, это в значительной степени началось с миссионеров, миссионерами.

Поскольку миссионеры были в поле и работали в поле в 19 веке, они поняли, что, возможно, мы больше заинтересованы в создании баптистов, чем мы сами христиане. Возможно, мы больше заинтересованы в создании пресвитериан,

чем мы сами христиане . Возможно, мы больше заинтересованы в создании конгрегационалистов, чем мы сами христиане.

Миссионерская совесть помогла движению экуменического движения, и мы говорим, что наш главный приоритет — привести людей ко Христу. Как все это работает в деноминации — это другой вопрос. Итак, что они сделали, так это провели большую конференцию в Эдинбурге в 1910 году под названием Всемирная миссионерская конференция.

Итак, Всемирная миссионерская конференция, Эдинбургская конференция 1910 года, собрала вместе множество этих людей, и лидером этой конференции был очень важный человек в миссионерском движении 20-го века. Его звали Джон Мотт. Так вот, Джон Мотт был особенно заинтересован в том, чтобы быть лидером этой Всемирной миссионерской конференции в Эдинбурге, потому что он был особенно интересен, потому что он был мирянином.

Он был методистом-мирянином. Он не был проповедником. Он не был рукоположенным служителем или кем-то в этом роде.

И он сам не был миссионером. Он поддерживал миссии, но сам не был миссионером. Джон Мотт был назначен ответственным за первую Всемирную миссионерскую конференцию в Эдинбурге в 1910 году.

У нас был профессор в колледже Гордона, сейчас на пенсии, профессор истории, профессор Аскью, который провел много исследований по этой Всемирной миссионерской конференции и знал ее очень хорошо. И вот Джон Мотт собирает этих людей, и он председательствует на этой конференции, и эти люди понимают, что протестантизм в некотором роде в беде, и мы должны это исправить. И вот из этого вида миссионерского движения возникает эта миссионерская конференция, и затем все движется дальше.

Еще одна вещь в плане растущего признания заключается в том, что нам нужно единство, и это из-за социальных проблем в мире и растущего секуляризма в мире, который говорит протестантам, что нам нужно объединиться, чтобы противостоять этим проблемам. Мы сможем противостоять социальным проблемам, и мы сможем противостоять секуляризации лучше как движение, как группа людей и как тело Христа, чем если бы мы просто пытались противостоять этим проблемам индивидуально в наших собственных конфессиях или в наших собственных группах. Это также объединило их, столкнувшись с культурой, миром, социальными проблемами и секуляризацией. Давайте сделаем это единым голосом, если это возможно, и будем двигаться вперед.

И это было очень, очень важно. Хорошо, и затем еще одна последняя вещь, своего рода растущее признание необходимости, и это было влияние Второй мировой войны, потому что экуменическое движение действительно как бы возникает институционально после Второй мировой войны. Но то, с чем христиане по всему миру столкнулись во Второй мировой войне, было тиранией, и Дитрих Бонхёффер столкнулся с этим, и мы упомянем об этом позже, особенно Дитрих Бонхёффер столкнулся с этими тираниями.

И вопрос в том, тирания нацистов, тирания Гитлера, вы хотите противостоять этому в одиночку, или лучше для протестантизма дать единый голос против тираний мира? Итак, Вторая мировая война и ее последствия оказали огромное влияние на движение, которое можно было бы назвать экуменическим движением, по мере его развития. В этом нет никаких сомнений. Теперь позвольте мне упомянуть об институционализации всего этого. Как все это в конечном итоге было институционализировано? Очень важная дата в курсе, и это 1948 год.

Хорошо, в 1948 году была образована группа под названием Всемирный совет церквей. 1948 год, Всемирный совет церквей. Изначально она была протестантской.

Не то чтобы они не приветствовали католиков или православных, но они хотели сначала навести порядок в своем собственном доме. Поэтому в 1948 году в Амстердаме был сформирован Всемирный совет церквей как протестантская группа. А произошло то, что для институционализации всего этого в 1950 году начал формироваться Национальный совет церквей.

И один из первых был сформирован здесь, в Америке, Национальный совет церквей. Образован в 1950 году. Теперь мы скажем, что Всемирный совет церквей и Национальный совет церквей были сформированы с очень хорошими теологическими намерениями, когда они были сформированы, когда они были сформированы и когда они родились.

И они были библейскими, они были центральными, они были библейскими, и формирование было библейским и теологическим, я бы сказал. Я собираюсь рассказать о личном опыте буквально через минуту, но основная проблема Всемирного совета церквей и Национального совета церквей сейчас в том, что они забыли о своей библейской верности. Всемирный совет церквей и Национальный совет церквей сейчас не действуют из очень четкого библейского авторитета.

Грустно говорить. И это, в некотором смысле, вызвало формирование других групп, которые более библейски ориентированы. Но экуменическое движение

сегодня не то, чем оно должно было быть, не то, чем оно было, когда оно было основано.

Просто краткий пример из моей жизни. В 1960 году я еще учился в старшей школе. Я не поступал в колледж до 1961 года.

И однажды мне позвонили и спросили: «Хочешь ли ты быть представителем своей конфессии на Североамериканской екуменической ассамблее молодежи в Энн-Арборе, штат Мичиган?» Ну, во-первых, я не знал, что означает слово «екуменический», поэтому мне пришлось пойти и выяснить это — Североамериканская екуменическая ассамблея молодежи в Энн-Арборе, штат Мичиган. И вот я пошел и узнал, что означает слово «екуменический» и так далее.

Я подумал о поездке в Энн-Арбор, штат Мичиган. Я был в выпускном классе средней школы. Это было бы неплохо.

Итак, я сказал «да». И я поехал. Я собрал вещи, и мы были там около недели в Энн-Арборе, штат Мичиган.

Ну, должен сказать, что это был очень интересный опыт, потому что это было... К тому времени екуменическое движение расширилось, включив католиков, православных и так далее. Но как ребенок, выросший в своей конфессии, это была практически единственная конфессия, которую я знал. Это может быть не так для вас, ребята.

Может быть, вы выросли среди множества разных конфессий, и, может быть, у вас более широкий кругозор, чем у меня в свое время. Но когда я рос в своей собственной конфессии, было довольно интересно познакомиться... Что я знал? Были католики, пресвитериане, методисты, римские католики и православные. Я никогда не слышал о большинстве из этих людей.

Это был своего рода захватывающий опыт. И я должен сказать, Североамериканская екуменическая молодежная ассамблея, несмотря на то, что екуменическое движение к 1960 году как-то дрейфовало. Но я должен сказать, что я был весьма вдохновлен, услышав несколько замечательных проповедей, несколько библейских проповедей, действительно замечательных проповедей и так далее.

У нас были занятия по изучению Библии. Просто у нас не было занятий по изучению Библии, только с нашей небольшой группой. Но на занятиях по изучению Библии были и баптисты, и пресвитериане, и конгрегационалисты, и так далее, что я сам находил довольно увлекательным.

Итак, когда у меня был тот единственный опыт с экуменическим движением, это был довольно интересный и, я думаю, довольно поучительный опыт. Но это не тот путь, по которому в целом пошло экуменическое движение. Однако, с точки зрения чего-то, теологического развития, экуменизм важно помнить.

Ладно, во-первых, есть экзистенциализм, а во-вторых, экуменизм. Я должен дать вам, ребята, пятисекундный перерыв, чтобы просто сделать перерыв. Благослови ваши сердца.

Просто перерыв здесь. У нас сегодня только один отступник. Мы радуемся этому.

Это хорошо. В среду мы будем читать лекцию. В понедельник я буду в Балтиморе.

На следующей неделе выходной. А потом, когда мы вернемся в первый день, когда мы вернемся в первый и третий день, мы покажем видео Дитриха Бонхёффера. Это очень хорошее видео, которое называется «Воспоминания и перспективы».

Я дам вам небольшой лист для изучения, чтобы вы знали, что именно записывать. А потом, в пятницу, у нас будет первая сессия по обзору для финала. Так что в среду мы вернемся, и я задам вам четыре вопроса по текстам.

Так что постарайтесь не забыть это сделать. Эти четыре вопроса будут вести вас с пятницы. Затем, в следующий понедельник, мы будем читать лекцию.

Затем, в среду, у нас будет последнее время совместного изучения текстов. Так что если вы дадите мне четыре вопроса в эту среду, это покроет и пятницу, и среду. Так что, когда мы вернемся, останется пять сессий.

Вот что у вас есть. Так что как только мы закончим лекции в пятницу, я уеду отсюда и отправлюсь в Балтимор. Так что надеюсь, у вас будет отличный День благодарения.

Но я об этом упомяну в пятницу. Ты отдохнул нормально? И все такое. Хорошо.

Давайте просто упомянем здесь, не просто упомянем, но нам нужно поговорить о Дитрихе Бонхёффере. И я просто упомяну пару вещей о предыстории. И самое главное — о его теологии.

Бонхёффер был одним из тех людей, которые помогли подготовить почву для теологии вместе с Карлом Бартом, его наставником, и всем остальным. Итак, давайте упомянем Бонхёффера. Вот его даты, 1906, 1945.

А вот пара фотографий Дитриха Бонхёффера. Вот более ранняя фотография Бонхёффера. Вот последняя фотография Бонхёффера, сделанная в тюрьме Тегель.

У меня эта фотография висит над столом в офисе. Так что позвольте мне быстро рассказать кое-что о его прошлом. А затем мы перейдем к его теологии.

Мы собираемся увидеть предысторию, воспоминания и перспективы. Поэтому мы не будем здесь много говорить. Просто скажу, что Дитрих Бонхёффер, родившийся в 1906 году в Германии, Дитрих Бонхёффер родился, как вы увидите на пленке и видео, в очень богатой, обеспеченной, состоятельной немецкой семье.

И это будет очень важно для его жизни. Он прожил привилегированную жизнь, мягко говоря. Его отец был одним из самых известных психиатров в Германии в то время и так далее.

Так что он жил очень, очень привилегированной жизнью. А потом наступил подъем Гитлера. И Бонхёффер, поскольку у него было университетское образование, стал лидером подпольной церкви под названием Исповедующая церковь, или одним из лидеров, я бы сказал.

Были и другие. Бонхёффер был одним из лидеров Исповедующей церкви, потому что Гитлер нацировал Лютеранскую церковь. Лютеранская церковь поклялась в верности Гитлеру.

И поэтому в Германии были пасторы, которые называли себя Исповедующими пасторами, и они отказались присягнуть на верность Гитлеру или любому тоталитарному режиму. Мы уже упоминали здесь Декларацию Бармена. Ну, Дитрих Бонхёффер стал лидером этого движения.

Мы также должны упомянуть, из-за его прошлого, и вы увидите это снова в понедельник, когда мы вернемся, мы также должны упомянуть, что он был пастором, он был теологом, и он был довольно убежденным пацифистом. Вы увидите это в записи. Довольно убежденный пацифист.

Теперь, я бы не сказал, что он был ярым пацифистом, но он был вполне убежден, что путь вперед для христианства в 20 веке - это пацифизм. Интересно, что как пастор, теолог и пацифист он был вовлечен в заговор с целью убийства Гитлера. И вы удивляетесь, как пастор, теолог и пацифист могли быть вовлечены в заговор с целью убийства Гитлера.

И, конечно, причина этого в том, что он, наконец, дошел до точки в своей жизни, где он понял, что нацистский режим не был правительством, predetermined Богом. Он перешел границы того, что должно делать правительство. Поэтому он больше не был законным правительством.

И он чувствовал, что мы должны свергнуть Гитлера, если мы собираемся сохранить западную цивилизацию. И поэтому он ввязался в заговор с целью убийства Гитлера, за что был арестован и заключен в тюрьму в двух разных местах. И вот первое место — тюрьма Тегель.

Или нет, это одно из вторых мест, тюрьма Тегель. Но в любом случае его арестовали и посадили в тюрьму. А потом, 9 апреля 1945 года, Бонхёффер был повешен гестаповцами.

Так что он прожил очень, конец был очень трудным для Дитриха Бонхёффера, так как его повесили, очевидно. В середине своей жизни он вырос лютеранином. И он был хорошим лютеранином в том смысле, что дома были молитвы и так далее.

Но он не был особенно, и семья не была воцерковленной семьей. Но немного раньше в своей жизни, в подростковом возрасте, Бонхёффер решил со своей матерью, что они начнут ходить в церковь на регулярной основе, что они и сделали. Начал посещать местную лютеранскую церковь на очень регулярной основе.

И тогда он решил, что хочет изучать теологию. И это был совсем , совсем другой путь для него, нежели тот, который семья хотела, чтобы он выбрал. Потому что все в семье пошли в медицину или юриспруденцию, но теологию, вы знаете, и он решил, что хочет изучать теологию.

И вот он стал тем, кем стал, одним из величайших теологов 20-го века, хотя он был очень молод, когда умер. Одним из его наставников, конечно, был Карл Барт. Вот немного о прошлом Дитриха Бонхёффера.

Мы увидим это в Memories and Perspectives в течение пары дней. Видео занимает почти два урока, чтобы показать. И я буду делать некоторые ссылки на его жизнь, пока мы смотрим видео, и дам вам всего пару заметок, чтобы вы отметили.

Но давайте перейдем к номеру два, его теологии. А как насчет теологии Дитриха Бонхёффера? Итак, ну, я собираюсь упомянуть пять вещей в плане его теологии. Номер один, мы начнем с его экклезиологии.

Начнем с его учения о церкви. Это было очень важно для Дитриха Бонхёффера, учение о церкви. Одной из самых ранних вещей, которые он написал, было учение о церкви.

По сути, он анализировал церковь не только с теологической точки зрения, но и с социологической. И одно из слов, которые он здесь использует, это то, что нужно видеть важность церкви в сообществе. Церковь — это сообщество.

Итак, это почти социологический анализ, когда он использует слово «сообщество». Но церковь, в некотором смысле, является сообществом, которое стоит над индивидом. Потому что что он видел в середине 20-го века, когда он все это анализировал? В Западной Европе он видел очень индивидуализированный тип жизни.

Он хотел, чтобы люди понимали церковь не просто как группу людей, собравшихся вместе, а как сообщество людей, заботящихся друг о друге. Хорошо, и вы знаете мою линию, потому что я говорил ее на многих занятиях. Христианство — очень личная религия, но это никогда не частная религия.

И Дитрих Бонхёффер напоминает нам об этом. Христианство очень личное, но оно никогда не бывает частным. Это не просто Иисус и я в моей комнате с моей Библией, листаю ее, пытаюсь понять, чего Бог хочет от моей жизни.

Это нормально, но вы должны принести все это понимание в тело Христа, в церковь, в сообщество. Так что сообщество было очень важно. Хорошо, отношение церкви к Слову.

Дитрих Бонхёффер сказал в терминах экклезиологии, быть в церкви — значит быть в Слове Божьем. А быть в Слове Божьем — значит быть в церкви. Эти две вещи неотделимы друг от друга.

Одного без другого быть не может. И поэтому это становится очень важным. Также, с точки зрения мира, церкви и мира, церковь никогда не должна быть монашеской общиной, отделенной от мира.

Церковь призвана к ответственным действиям в мире и в страданиях мира. Вот урок, который мы увидим в ленте. Это урок, который Дитрих Бонхёффер усвоил, когда приехал учиться сюда, в Америку.

Когда он приехал учиться в Америку, одним из его друзей был человек по имени Франклин Фишер. Он был чернокожим христианином из Гарлема. Он отвел Бонхёффера в свою черную церковь в Гарлеме, Абиссинскую баптистскую церковь, и тот узнал много нового о страданиях черного сообщества в Америке.

Он начал спрашивать себя, должна ли церковь знать об этих страданиях. Как церковь может стоять в стороне от этого страдающего мира? И затем, когда он вернулся в Европу после того времени, и нацисты пришли к власти, он сказал себе, кто страдающие люди в моем мире? Это евреи. Евреи - это те, кто страдает.

Как церковь может стоять отдельно от еврейской общины? Церковь должна страдать вместе с еврейской общиной. Церковь должна быть частью этого. Поэтому церковь в мире очень, очень важна.

Хорошо, и затем как члены церкви, экклезиология, мы являемся членами церкви. Как мы живем как члены церкви? У вас есть два варианта. Вы можете жить жизнью дешевой благодати, и дешевая благодать будет просто ходить в церковь и не приносить жертв и видеть Иисуса, может быть, как хорошего человека, и, вы знаете, церковь не значит для вас многого. Это дешевая благодать.

Итак, вы можете жить жизнью дешевой благодати, если хотите, но не называйте себя христианином, если вы так делаете. Или вы можете жить жизнью дорогой благодати, а дорогая благодать — это серьезное отношение к слову Божьему и ко всем требованиям Христа в вашей жизни, ученичество. Это дорогая благодать.

Итак, у вас есть выбор. Это дешевая благодать или дорогая благодать? Вот его книга под названием «Цена ученичества». Пока я говорю об этом, очень быстро, кто из вас прочитал «Цену ученичества»? Давайте возьмем руки одного, двух, трех, четырех. Ладно, ладно.

Список летнего чтения. Запишите его прямо сейчас. Стоимость ученичества.

Это обязательное чтение в плане христианской литературы. Это одно из величайших произведений, вы знаете. Ну, как он начинает «Цену ученичества»? Дешевая благодать — смертельный враг нашей церкви.

Мы сегодня боремся за дорогую благодать. Так что дешевая благодать — смертельный враг нашей церкви. Мы сегодня боремся за дорогую благодать.

Итак, в самом первом предложении «Цены ученичества» он излагает боевой клич, понимаете. За что мы здесь сражаемся? Вот что он хочет знать. Итак, экклезиология очень, очень важна для Дитриха Бонхёффера, церковь как сообщество и то, как мы должны действовать как сообщество.

У нас есть еще кое-что для Бонхёффера в плане теологии, и у нас есть еще два дня. Так что я как раз на верном пути, так что у нас все хорошо. Ладно, хорошего вам дня.

Увидимся в пятницу. В пятницу мы прочитаем лекцию. В пятницу мы вас заставим попотеть, а потом у вас будет целая неделя каникул в честь Дня благодарения.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 25 по экзистенциализму.